

— Цзян Шэнь, что с тобой? — Ли Жуань, конечно, тоже увидел кровь и поспешил к нему.

Цзян Шэнь закрыл рот и нос рукой, не смея смотреть на него:

— Ничего... я просто...

Не успел он договорить, как юноша поднял руку и взмахнул ею в воздухе.

Будто тёплый ветерок коснулся его лица — Цзян Шэнь вздрогнул и убрал ладонь.

Кровотечение остановилось, на рукаве не было ни капли крови.

Обернувшись, юноша улыбался, будто довольный собой, а ушки на голове встали торчком — гордые, победные:

— У меня и мана немного восстановилась.

— Ты... — у Цзян Шэня пересохло во рту.

Он откашлялся, сделал вид, что абсолютно серьёзен:

— Это, должно быть, побочный эффект лекарства. Энергия ян слишком... сильная.

— Понятно, — кивнул Ли Жуань, нисколько не сомневаясь. — Тогда вечером я просто заберу побольше. Помогу тебе всё вывести.

Обычно он такое говорил постоянно — но когда это произносил человек, а не лисёнок, звучало... странно.

Очень странно.

Цзян Шэнь отвёл взгляд — и краем глаза заметил, что лисёнок, стоящий перед ним, совсем голый.

Он даже не знал, куда деть руки.

Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но увидел, как Ли Жуань вдруг присел на корточки.

Хотя юноша и не был болезненно худым, телосложение у него было тонкое и изящное; ростом

он едва доставал Цзян Шэню до плеч.

А когда присел — стал и вовсе маленьким, почти не выше его пояса, будто его одним движением можно обнять целиком.

Ли Жуань протянул руку и приложил ладонь к старой ране на правой ноге Цзян Шэня — через одежду.

На этот раз процесс длился гораздо дольше.

Словно тёплый поток проникал в тело через его ладонь — мягкий, ровный, глубокий.

Спустя время он убрал руку и удовлетворённо вздохнул:

— Готово. Попробуй?

За два с лишним месяца рана Цзян Шэня почти полностью зажила, но быстрый бег или силовые упражнения всё ещё давались трудно.

Лисёнок постоянно говорил, что когда восстановит ману, залечит её окончательно.

И он всегда держал слово.

Цзян Шэнь не успел ничего ответить — Ли Жуань уже потянулся к его поясу, собираясь стянуть штаны, чтобы посмотреть, нет ли следов.

Терпение Цзян Шэня лопнуло, он поспешно поднял его.

Юноша стоял перед ним уже довольно долго — и всё это время без единой нитки на теле.

Кожа у него была покрыта снежинками, холодная как лёд.

Рука же Цзян Шэня — напротив — была ошеломляюще горячей.

Ли Жуань вздрогнул от жара, и Цзян Шэнь мгновенно отдёргнул руку.

— Ты... ты хоть одежду надень, — с трудом произнёс он. — Не можешь, что ли, переодеться?

— Могу, конечно, — невозмутимо ответил Ли Жуань.

Он взмахнул рукой.

На нём появилась красная одежда. Лёгкая, тонкая, с широкими рукавами и узкой талией, расшитая золотой нитью, образующей изящные узоры облаков и маленького лисёнка.

Распущенные чёрные волосы ниспадали свободно, а ярко-красный наряд ещё сильнее подчёркивал его бледную кожу.

Цзян Шэнь долго смотрел на него... и лишь потом опустил взгляд:

— А обувь где?

— Не люблю обувь, — честно сказал Ли Жуань.

Подол одежды доходил только до щиколоток, а ниже были нагие ступни, белые как нефрит.

Он переместил ногу, услышав замечание, и добавил:

— В обуви неудобно.

— Тебе... не холодно? — спросил Цзян Шэнь.

Ли Жуань тихо хмыкнул:

— Кажется... немного.

Когда он был лисом, у него были тёплые лапы с мягкими подушечками и густой мех.

Но в человеческой форме этого не было.

Цзян Шэнь хотел что-то сказать, но Ли Жуань вдруг легко прыгнул ему на спину.

Он обхватил его плечи руками, хвост радостно завилял за его спиной.

— Ну понеси меня обратно, а?

Он всегда так делал — стоило устать, он цеплялся лапками за шею и просил Цзян Шэня нести его.

Пользуясь тем, что он сам ещё как ребёнок, Ли Жуань полностью игнорировал травму ноги Цзян Шэня.

Тело Цзян Шэня слегка напряглось:

— Лисёнок, ты ведь сейчас человек.

Ли Жуань:

— Но я же стал не настолько тяжёлым, правда?

Тяжёлым он не был.

Даже наоборот — такая лёгкость заставляла Цзян Шэня задуматься, куда вообще деваются все те горы еды, что маленький лис поглощает каждый день.

— Ты намного выше меня, ты справишься, — Ли Жуань тёрся щекой о его шею. — И я только что вылечил тебе ногу, ты должен меня отблагодарить.

Внешне он стал человеком, но в поведении всё равно оставался настоящим лисёнком — ничуть не похожим на взрослого человека.

Цзян Шэнь, которого от его прикосновений начинало щекотать в шее, торопливо сказал:

— Ладно, понёс... только не трись.

— Идём домой.

С этими словами он двинулся обратно, неся лисёнка на спине.

— Кстати, почему ты вдруг пришёл за мной? — спросил он.

— Из столицы прислали юаньсяо. Хотел, чтобы ты вернулся есть.

— Что такое юаньсяо?

— Ты не знаешь?

— Не знаю.

— Это то, что едят на Новый год.

— А-а. А что такое Новый год?

—

Когда они вернулись в пещеру, Цзян Шэнь посадил Ли Жуаня у огня.

Пока они шли, снег повалил сильнее, и волосы Ли Жуаня покрылись слоем инея — ему действительно стало холодно.

Добравшись до тёплого места, он тут же вытянул ноги к огню, отогреваясь.

Цзян Шэнь достал несколько глиняных горшков из кучи разных вещей в глубине пещеры.

До его появления у Ли Жуаня вообще не было никаких утварей.

Он редко разжигал огонь и уж тем более ничего не готовил.

Эти горшки они нашли недавно в горах, собирая припасы.

Они были немного повреждены, но вполне подходили, чтобы варить пищу или греть воду.

Остальные инструменты и палочки для еды Цзян Шэнь сделал сам — из дерева и бамбука.

Он вымыл горшок, налил чистой воды и поставил на огонь.

Когда вода закипела, бросил туда юаньсяо — вскоре над горшком поднялся густой пар.

Пока они варились, Ли Жуань спросил:

— Значит, из столицы опять письмо? Что там написано?

Последние недели он был полностью погружён в практику, чтобы поскорее построить фундамент, и давно не следил за новостями из столицы.

То есть — следил, но больше как слушатель сказок.

Цзян Шэнь ответил:

— Губернатор Хугуана пытался убить наследного принца и уже схвачен. Вероятно, его доставят в столицу ранней весной.

— А? — Ли Жуань широко раскрыл глаза.

Он отсутствовал меньше месяца — а всё так переменялось?

Похоже, он многое пропустил.

Он допрашивал, запутавшись:

— Так это точно он хотел убить тебя раньше? Как вы это узнали?

— Не на горе Чанмин, — сказал Цзян Шэнь.

Ли Жуань ещё больше растерялся.

Цзян Шэнь спросил:

— Помнишь, месяц назад губернатор собирался ехать на юг и прислал письмо с просьбой увидеться?

— Помню, — кивнул Ли Жуань. — Ты сказал, что он хочет тебя увидеть.

— Да, — подтвердил Цзян Шэнь. — Он настаивал на встрече, поэтому я согласился... и послал другого человека под своим видом.

— После той встречи он отправил людей покушаться на «меня» — и его взяли с поличным.

Ли Жуань всё равно не понимал:

— Но ты же говорил, что убийца не станет настолько глупым, чтобы нападать второй раз!

— Убийца — нет, — сказал Цзян Шэнь. — Но для губернатора Хугуана это был первый раз.

— Разве они не одной шайки? — удивился Ли Жуань.

— Даже если они и в одной партии, — сказал Цзян Шэнь, — у каждого могут быть свои планы. Да и...

Он усмехнулся:

— Ему уже деваться было некуда.

Ли Жуань заморгал — видимо, так и не понял.

— Убийца не смог меня убить и хотел прислать кого-то разведать обстановку. Как думаешь, кого он выберет?

— Эм... того, кому доверяет?

— Нет. Он пошлёт пешку, которую не жалко.

При дворе сейчас явно выражены группировки и фракции, а губернатор Хугуана на поверхности никогда не принадлежал ни к одной из них.

Если бы Цзян Шэнь заранее не выяснил, что тот на самом деле близок к третьему принцу, он бы этого и не узнал.

Наследный принц только что пережил покушение — и если в такой момент кто-то придёт его проверить, это неизбежно вызовет подозрения.

Поэтому лучший выбор — подобрать человека, который внешне ни к какой фракции не принадлежит.

Но есть и обратная сторона: такой человек — это по сути уже отказник.

Если что-то пойдёт не так, фракция за ним не вступится.

— Вот оно что... — просиял Ли Жуань.

Пока они разговаривали, юаньсяо уже сварились.

Цзян Шэнь подал Ли Жуаню миску и продолжил:

— Губернатор Хугуана прекрасно понимает, чего я хочу добиться, поэтому он будет искать путь к спасению. Либо донесёт мне правду о засаде на горе Чанмин, либо убьёт меня — и тем самым докажет свою ценность своей фракции.

Это не просто борьба группировок.

Это выбор стороны в борьбе за императорскую власть.

Это вопрос — с кем он будет стоять в будущем.

— Я специально сделал так, будто моё поддельное тело серьёзно ранено, а охрана ослаблена. В такой ситуации, придёт он предупредить или придёт убивать — мне это всё равно выгодно.

Цзян Шэнь пожал плечами:

— К сожалению, он выбрал второе.

— Жаль, — Ли Жуань кивнул, держа миску в руках, понимая лишь наполовину.

Цзян Шэнь посмотрел на милого маленького лиса, улыбнулся и не стал договаривать остальное.

На самом деле он заранее понимал, что губернатор Хугуана не выберет первый путь. Такие люди не оставляют рядом тех, кто может им изменить. Губернатор Хугуана был замешан в попытке перехватить и убить его на горе Чанмин — даже если бы он и вправду перешёл на сторону Цзян Шэня, долго бы его не продержали.

Казалось, что у него есть два пути, но на деле — только один.

Если покушение провалится — это означает смерть.

— Но ведь это хорошая новость, правда? — сказал Ли Жуань. — Ты хотя бы поймал одного. Значит, дальше искать убийцу будет проще, да?

— Это хорошая новость, но... — Цзян Шэнь замолчал и добавил: — Не так легко найти настоящего виновника.

Будь то убийцы, устроившие засаду вначале, или шпионы, проникшие на гору Чанмин позже — у них не было ни малейших полезных улик.

Это говорит о том, что настоящий виновник — человек крайне осторожный.

Нет доказательств, нет следов — расследование словно поиск иголки в стоге сена.

Цзян Шэнь вздохнул:

— Жаль, что я тогда сжёг поддельное тайное письмо. Иначе в нём могли бы быть зацепки.

Такие письма всегда сжигаются после прочтения. В тот раз Цзян Шэнь увидел на письме секретную печать действующего императора и не усомнился, прочитал — и сжёг, как положено.

Кто бы мог знать, чем всё обернётся.

— Хм... сжёг? — задумчиво переспросил Ли Жуань.

Цзян Шэнь спросил:

— Что ты хочешь сказать?

Ли Жуань ответил:

— Если ты помнишь его содержание и то, как получил письмо тогда, я, возможно, смогу помочь его найти.

Это была техника погружения в память — заклинание, позволяющее входить в сцену внутри чужих воспоминаний. Чем яснее память, тем точнее восстановится картина.

Если Ли Жуань сможет войти в неё, он сможет воспроизвести письмо точно таким же и вернуть его в реальный мир.

Глаза Цзян Шэня загорелись:

— Это возможно?

— Пока нет, — Ли Жуань потёр нос. — Моя мана ещё не полностью восстановилась. Это очень сложное заклинание, нужно подождать.

— Ладно, — сказал Цзян Шэнь. Он не чувствовал сожаления — сама возможность вернуть письмо была уже приятной неожиданностью, и спешить было некуда.

Он добавил:

— Ладно, не будем сейчас об этом. Ешь быстрее, а то остынет.

Ли Жуань кивнул:

— Угу.

Поев и напившись, Ли Жуань развалился на кровати Цзян Шэня и застонал:

— Так... тяжело...

— Кто виноват, что ты доел последнюю миску, даже когда больше не мог? — Цзян Шэнь уже вымыл миски, палочки, глиняный горшок и вернулся к постели. — Теперь знаешь, что неприятно?

— Но оно было таким вкусным... — Ли Жуань потер живот. — Почему в мире столько вкусной еды? Я тебе завидую.

Цзян Шэнь замолчал.

— В мире ещё много вкусного и интересного. Если хочешь увидеть — я могу сводить тебя.

— Пока нет, — Ли Жуань совершенно не задумавшись, отмахнулся. — Хотя в мире людей много хорошего, там полно народа и грязного воздуха, не подходит для практики. Я всё ещё хочу вознестись. Некогда мне развлекаться.

Цзян Шэнь слегка нахмурился.

Опять эта его одержимость вознесением.

Но он ничего не сказал.

И тут Ли Жуань вдруг о чём-то вспомнил, резко сел и схватил стоящую у кровати бутылочку с лекарством:

— Тебе нужно принять лекарство!

Цзян Шэнь:

— Ты ещё сегодня хочешь это делать?

Ли Жуань, стоя на коленях на кровати и подняв керамическую бутылочку, нахмурился:

— Почему ты не пьёшь?

Цзян Шэнь:

— Разве ты уже не построил фундамент?

— Это всего лишь начальная стадия, недостаточно, — сказал Ли Жуань. — С моими нынешними темпами мне ещё десятки лет до следующего уровня. Я подожду. А ты? Ты можешь ждать? Тебе же нужно вернуть письмо!

Лицо мальчишки было до отчаянного серьёзным, словно всё происходящее — просто очередная повседневная практика, а не...

Нет, раньше в этом действительно не было другого смысла.

Цзян Шэнь закрыл глаза.

— Хорошо, — сказал он. — Я выпью.

На этот раз лекарство подействовало очень быстро. Ли Жуань, как обычно, устроился рядом, прижался к его шее и глубоко вдохнул.

Цзян Шэнь весь напрягся, сидел неподвижно.

— Почему ты меня не трогаешь? — недовольно спросил Ли Жуань. — Ты всегда меня трогаешь.

Теперь он уже не мог лечь Цзян Шэню на грудь, как раньше в облике лиса, поэтому стоял на коленях, раздвинув ноги, и наклонялся вперёд, прижимаясь к нему.

Хвост за спиной беспокойно вилял, то и дело касаясь икры Цзян Шэня.

Цзян Шэнь стиснул зубы:

— Давай быстрее.

Ли Жуань был похож на привередливого гостя, который бесплатно ест каждый день и всё равно остаётся недовольным: то ему не нравится, что Цзян Шэнь его не трогает, то тело Цзян Шэня слишком напряжено и не такое удобное, как раньше.

Цзян Шэнь почти сходил с ума.

Через какое-то время Ли Жуань внезапно вздохнул:

— Почему ещё не закончилось? Я устал.

Цзян Шэнь не поверил своим ушам:

— Это ты спрашиваешь меня?

— Но у тебя сегодня так много эссенции, — искренне удивлялся Ли Жуань, — я уже столько втянул, а она всё не исчезает.

Цзян Шэнь: — ...

Ли Жуань продолжал:

— Почему она не рассеивается? Это тоже из-за лекарства?

Цзян Шэнь стиснул зубы.

Похоже, этот маленький лис сегодня и правда сведёт его с ума.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул и сказал:

— Да. Это из-за лекарства.

Голос у него был низким, хрипловатым.

— Иначе... можешь потрогать сам. Может, так пойдёт быстрее.

<http://bllate.org/book/14444/1277235>